

Лев Толстой и мировая литература

Материалы IX Международной
научной конференции

Музей-усадьба Л. Н. Толстого
«Ясная Поляна»

2016

...мания моей неповторимости, но и моего разумного сознания
...ени, я открою мир других, подобных мне, людей, живущих теми
...е чувствами, страхами, надеждой, и пойму, что «основа существо-
...ния всех людей, животных и всего существующего – та же, что
...во мне» (56, 16), то есть открою свою сопричастность вечности, со
...всё – с Богом Живым. Как верно заметил Питирим Александрович
Сорокин, для интеллекта Бог непознаваем, и эта истина пережита
Толстым в полной мере, особенно в период написания (и, конечно,
позднее) «Исповеди». Сорокин считает, что непознаваемость Бога ра-
зумом компенсируется у Толстого Его «познаваемостью» чувством.
«Итак, сущность вещей есть Бог. Он не вполне познаваем разумом,
но вполне познаваем чувством (интуицией): познанные свойства Бога
есть любовь, разум, абсолютное совершенство и абсолютная воля.
Этим ответом Толстого уже предreshены все его ответы на остальные
проблемы философии»¹⁷.

Таким образом, априорное (интуитивное) «чувство жизни» –
«Я живу» и разумное сознание этой жизни нельзя разорвать и рас-
считывать как самостоятельные части или результаты какого-либо
развития – просветительского, восточного или греческого. При этом
Толстой опирается на разумность человека, понимая под этим не-
прерывную работу восприятия, по своей безусловной обязательности
далеко перевешивающую умение оперировать готовыми идеями.
В этом он близок экзистенциальному мировосприятию Кьеркегора,
рассматривавшего жизнь как острейшую проблему саму по себе, в чистом
смысле. «И в этом таится не новый прихотливый виток развития фило-
софии, а необходимое, у Толстого на грани биологии, усилие челове-
ческого спасения, усилие столь же автоматическое, сколь и трудное,
и так же граничащее с абсурдом, как и кьеркегоровское требование
существования»¹⁸.

Таким образом, для Толстого спасение человека заложено в его
жизни, идёт «от его начала, которое <...> не целесообразность
и справедливость, а поэзия и любовь»¹⁹. Толстой: «составляет мою
жизнь – любовь (во мне ко всему тому, что объединено мною) в нём
и тому, что объединено им, ко всему»²⁰. Бог как Всё – это живой
вселенский Океан любви, не сотворённый и неуничтожимый; из
этого лона человек вышел таким же «океаном любви», и в него он ка-
пает, вобрав в себя любовь человеческую, упадёт вновь, слившись
в любовное единое Целое с мириадами себе подобных. художе-
ственным воплощением этой идеи стал образ Платона Каратаева:

«непостижимым, круглым и вечным олицетворением духа прости и правды» (12, 50). Таким образом, любовь как толстовский принцип целого «взгляда»²¹ и есть тот «кругл или шар» – метод существования, единственно возможный для понимания смысла жизни. В этом круговращении нет места смерти, ибо человек никогда не умирает, но пребывал в этом вечном океане любви, дожидаясь своего часа, и никогда не умрёт, но лишь вернётся к Отцу, в Вечность. По сути, здесь нет места и злу, которое существует лишь для животной личности, желющего себе блага и комфорта человека. Это, по Толстому, синоним эгоизма или рационализма, основанного на формальной логике и инстинкте жизни: «это есть всё то, что разумею. Убийство, грабёж, наказание, всё разумно – основано на логических выводах. Самопожертвование, любовь – бессмысленны» (62, 291).

Подобно тому как любовь является априорным чувством жизни, Бог-Жизнь неизмерим чистым разумом, и всякая попытка рационализировать этот процесс обречена. «Чувствовать бога можно всякий, но познать его не может никто. И потому не старайся познавать его, а старайся, исполняя его волю, всё живее и живее чувствовать его в самом себе» (45, 68). Василий Васильевич Зеньковский указывал на толстовскую интуицию как основу его мистического, суть которой сводится к пониманию бессмысленности безрелигиозной жизни. «Толстой действительно имел религиозный опыт, в нём действительной была религиозная жизнь, и нетаром от огня, горевшего в его сердце, зажглось немало других сердец; «Мистический эмпиризм и индивидуализм – вот основные черты религиозной личности Толстого. Он менее всего рационалист, хотя он упорно претендует на это и хотя его любят так характеризовать: на самом деле рационализм, вырастающий на основе мистических переживаний, никогда не чуждается Островенная»²². Толстой не только чуждается, но отвергает все церковные представления о душе, бессмертии, загробном мире, Воскресении; эти и подобные им состояния человек способен испытать только в «живой жизни», «здесь и сейчас», в каждый бесконечно малый момент жизни «по-божески», то есть подлинно по-человечески, когда он живёт не для себя, любит не себя, искренне совершает нравственные поступки, жертвуя своим эгоизмом ради других. Это и есть, с его точки зрения, подлинно бессмертным и свободным.

Таким образом, Провещатель правления и учения), понав в о становится лишь «материалом»²³ не только на основе закона, только не сознанию: я сознан, философскую жизнь. Её субстративная, присущими субстрату, вера, любовь, «жизнь не для себя, а для человечества», и художественно-эстетическое просветительное сопряжение: «Сердце указывает, что изучать» (58, 161). Длительность разума и сердечности, предположения для реализации века: «Урок заданный на протяжении этого сопряжения, как правило, преобладают типов знания: индивидуального, слышат Бога как в световую вспышку, «озарения» и обратного откровения постижения («менее» знания, часть указывают истинно значащую радость совершается: призываю и зовёт его, и этот, тот, кто и велел ему лечь на Него, кто-то пришёл за ним. И просыпается, он знал, так он заснул»: «Не знал, так знаю» (29, 43-44), – так он «Хозяин и работник» перемир Матвеевич Пашеревья <...> все впечатлитель

Таким образом, Просвещение (как и другие философские направления и учения), попав в орбиту его интеллектуальных исканий, становится лишь «материалом» для особого личного «переживания»²³ не только на основе законов сознания²⁴ – «Всему есть причина, только не сознанию: я сознаю, потому что сознаю» (58, 172), – но и «законов сердца» и «общих чувств», формирующих толстовскую философию жизни. Её субстратность определена *религиозными переживаниями, присущими субъекту, концентрируемыми в понятиях Бог, вера, любовь, «жизнь не для себя»*. Истина должна быть самостоятельно пережита человеком. Венчающее их научно-теоретическое и художественно-эстетическое осмысление происходит через интроспективное сопряжение *жизненного и рационального* в творчестве писателя. «Сердце указывает, что любить, а потом о чём думать и это изучать» (58, 161). Для Толстого тождество и взаимозависимость разумного и сердечного основ познания есть необходимая предпосылка для реализации религиозной работы души каждого человека: «Урок заданный написан в твоём разуме и сердце и выражен ясно и понятно лучшими из таких же существ, как ты» (58, 35).

Примеры этого сопряжения можно найти во многих его художественных произведениях. Свет истины, открываемый героям Толстого, как правило, представляет собой демонстрацию наложившихся двух типов знания: идущего от Бога к человеку зова (очень часто герои слышат Бога как внутренний голос Жизни), переходящего в световую вспышку, «озарение вечностью», обнажающую «чувство жизни» и обратного откровения – идущего от человека к Богу разумного постижения («теперь знаю») главного знания смысла и вечного предназначения Жизни. На интуитивно мистический характер знания истины зачастую указывает символическая метафора пограничного перехода в смысловое инобытие (смерть) через сон: «И вдруг радость совершается: приходит тот, кого он ждал <...>. Он пришёл и зовёт его, и этот, тот, кто зовёт его, тот самый, который кликнул его и велел ему лечь на Никиту. И Василий Андреич рад, что этот кто-то пришел за ним. “Иду!” – кричит он радостно, и крик этот будит его. И он просыпается, но просыпается совсем уже не тем, каким он заснул»; «Не знал, так теперь знаю. Теперь уж без ошибки. Теперь знаю» (29, 43–44), – так описано открытие – озарение героя рассказа «Хозяин и работник» перед встречей с вселюбящим Хозяином. Владимир Матвеевич Паперный отмечал, что «Для Брехунова исчезает время <...> все впечатления его прежней жизни сливаются для него

«В один белый свет». Из этого света к нему приходит Бог, приходит как исполнение его сокровенной надежды – как «тот самый, которого он ждёт». <...> Следующее за этим событие физической смерти героя <...> представляется как малоозначительное»²⁵.

Итак, философия жизни Толстого содержит ряд рациональных и религиозных посылок. Уход от себя – своего голого разума и своего особенного это – к общему, к Богу, то есть жизненной вере (можно сказать, «жизни-вере»²⁶), а через неё к другому человеку (людям) и миру возможен лишь на пути соединения разума и веры в акте *морально-фактического императива* – *жизни по Христу*, ядром которой становится религиозное чувство, вбирающее в себя субъективный мир собственных переживаний, концепттриггеров, однако, в переживании Другого: Бога, веры, любви, жизни не для себя. «Чувство это, разрешающее все противоречия жизни человеческой и дающее наибольшее благо человеку, знают все люди. Чувство это есть любовь <...> человек в душе находит чувство, которое даёт ему то самое благо, на которое, как на единственно возможное, указывает ему разум. И чувство это не только разрешает прежнее противоречие жизни, но как бы в этом противоречии находит возможность своего проявления» (26, 382–383).

Таким образом, толстовскую философию можно представить как уникальное переходное учение от европейского Просвещения к антиметафизической философии жизни, не сводимой ни к какому определённому направлению, хотя и максимально приближающее нас к экзистенциализму XX в. Если для просветителей главным вопросом было кантовское «*что я могу знать*», чтобы быть свободным, то для Толстого самые важные и стержневой вопрос жизни – «*как спасти душу*» – то есть познать истинную жизнь в себе как смысл в вере. «Так что, кроме разумного знания, которое мне прежде представлялось единственным, я был неизбежно привлечён к признанию того, что у всего живущего человечества есть ещё какое-то другое знание, неразумное – вера, дающая возможность жить. Вера есть сила жизни <...> искание Бога было не рассуждение, но чувство, потому что это искание вытекало не из моего хода мысли, – оно было даже прямо противоположно им, – но оно вытекало из сердца. Это было чувство *страха, сиротливости, одиночества* среди всего чужого и надежды на чью-то помощь» (курсив мой. – С. К.) (23, 35–44).

Таким образом, эпоха Просвещения была чрезвычайно важна и значима для Толстого как завершающий эпохальный виток раз-

пионализма, «зачинающий XX века.

Эйхенбаум В. М. Мотивы. Статьи. СПб., 2009.

Israel J. I. Radical Enlightenment. Oxford University Press, 2013. № 6. С. 30, 44.

«... такое искусство?» (30, 44).

«... за 1891 г. (52, 15, 20).

«... 276, 287; 66, 13).

Другач Т. В. Лени Дидро.

Толстой имеет в виду

«... со дня смерти. 30

написана в 1753 г.; напечатана в Библиотечке

«... почти весь параграф пятый

«... и учёных – и два места в

Н. Толстого Н. Н. Страховку

«... Полное собрание переписки

«... Речь об идее Дидро, со

«... польза через неск

«... физики, подобно тому как

«... одно средство распро

«... чтобы показать её полн

«... Дидро Д. Сочинения: В 2 т. Т

«... Дидро Д. О достаточности

«... 2-х т. Т. 1. С. 188.

«... Израил J. I. Radical En

«... есть 3 типа: радикально

ционализма, «зачинающий» новые горизонты в философии жизни XX века.

¹ Эйхенбаум Б. М. Молодой Толстой // Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой: исследования. Статьи. СПб., 2009. С. 138.

² Israel J. I. Radical Enlightenment. Philosophy and the Making of Modernity 1650–1750. Oxford University Press, 2001. P. III.

³ Спиноза и Дидро в разное время обратили на себя внимание Толстого и оказали на него определённое влияние, хотя и в разной степени. Подр. о влиянии идей Спинозы на философско-религиозную концепцию Л. Н. Толстого: Елизарова С. М. Теоремы разума и аксиомы веры. Спиноза и Толстой // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 71–81; Дидро Д.: 14 ссылок в 90-томном издании ПСС Толстого. Его имя упомянуто в «Войне и мире» (12, 312); трижды в статье «Что такое искусство?» (30, 44, 59), в статье «Религия и нравственность» (39, 5); в дневнике за 1891 г. (52, 15, 20, 24, 26) и трижды в 3-х письмах к Н. Н. Страхову (55, 276, 287; 66, 13).

⁴ Длугач Г. Б. Дени Дидро. М., 1975. С. 62.

⁵ Толстой имеет в виду книгу Дидро «Избранные сочинения. Издание в столетие со дня смерти. 30 июля 1884». Статья «Об истолковании природы» написана в 1753 г.; напечатана на с. 11–72 этой книги. «В сохранившемся в волоколапской библиотеке экземпляре этой книги Толстым отчёркнут на почти почти весь параграф пятый – о развитии науки и отношении к ней общества и учёных – и два места в параграфе шестом». См. комментарий к письму Л. Н. Толстого Н. Н. Страхову от 25 марта 1891 г. в: Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки: В 2 т. М., 2003. Т. 2. С. 862.

⁶ Речь об идее Дидро, согласно которой «всё определяется полезностью. Быстро полезность через несколько веков определит границы экспериментальной физики, подобно тому как это происходит сейчас с геометрией <...> Есть только одно средство расположить простой народ к философии; оно состоит в том, чтобы показать её пользу» // Дидро Д. Мысли к истолкованию природы // Дидро Д. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 337–341. Эти идеи будут неоднократно повторяться и в русской философии в целом, и в народнических мотивах толстовских текстов в частности.

⁷ Дидро Д. О достаточности естественной религии // Дидро Д. Сочинения: В 2 т. Т. 1. С. 188.

⁸ Подр.: Israel J. I. Radical Enlightenment. P. 4–23. Согласно классификации Израэля, есть 3 типа: радикальное, умеренное Просвещение и контрпросвещение.

- Под радикальным он понимает руководство в поисках истины исключительно философским разумом, который к тому же является единственным и надёжным источником при формировании нравственности, гуманитарных и общественных ценностей. Спиноза, Дидро, Толстой (которые не были просветителями в традиционном смысле) могут быть названы представителями этого направления.
- ⁹ Budeus, Lehr-Sätze, 144; Venoit de Spinoza ... est estimé avec raison le chef et le maître des athées de notre siècle, ayant point reconnu d'autre Dieu que la Nature, ce qui est la même chose que s'il avoit nié l'existence de Dieu; Budeus, Traité, 78–9. Цит. по: Israel J. I. Radical Enlightenment. Philosophy and the Making of Modernity 1650–1750. Oxford University Press, 2001.
- ¹⁰ Определение Св. синода, от 20–22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам Православной Российской Церкви о графе Льве Толстом // Церковные ведомости, издаваемые при святишшем Правительстве Синоде». 24 февраля 1901 г., № 8. С. 45–47.
- ¹¹ Асмус В. Ф. Диалектика необходимости и свободы в этике Спинозы // Избранные философские труды: В 2 т. М., 1969–1971. Т. 2. С. 36.
- ¹² Israel J. I. Radical Enlightenment. P. 165.
- ¹³ Спиноза В. Трактат об усовершенствовании разума // В. Спиноза. Избранные произведения: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 321.
- ¹⁴ Дидро Т. Б. Дени Дидро. С. 54–55.
- ¹⁵ Эта метафора является аллюзией на знаменитую эпитафию на надгробье Сквороды: «Мир ловил меня и не поймал». В одном из католических соборов Фрибурга (Швейцария) мне довелось увидеть поразившее меня распятие: парящее тучище Христа, свободно раскинувшего руки-крылья, символизировало раскованное свободное порыв-движение Бота-Сына к Отцу Небесному, тогда как Его ноги гвоздями были прочно (и кажется, что навесегда) прикованы к кресту. Вся жизнь Толстого – свободное порыв-стремление к Небу и вечная, кровавая прикованность к земному – для несение креста.
- ¹⁶ Паперный В. М. К вопросу о системе философии Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб., 2000. С. 799.
- ¹⁷ Сорокин П. А. Л. Н. Толстой как философ // Русские мыслители о Льве Толстом. Тула, 2002. С. 440.
- ¹⁸ Лунгина Д. А. Современность в дневниках Сёрена Кьеркегора и Льва Толстого // Логос. № 4–5 (72). 2009. С. 53.
- ¹⁹ Вибихин В. В. Дневники Льва Толстого. СПб., 2012. С. 89.
- ²⁰ Л. Н. Толстой и Н. Н. Страхов. Полное собрание переписки. Т. 1. С. 262. Там же. С. 271.
- ²² Зеньковский В. В. Проблема бессмертия у Л. Н. Толстого // Русские мыслители о Льве Толстом. С. 335, 336. Идея мистицизма посвящён ряд работ

В. М. Паперного: Паперный В. М. Мифология воскресения в произведениях Льва Толстого // Лев Толстой и мировая литература. Материалы VIII Международной научной конференции. Музей-усадьба Льва Толстого «Ясная Поляна», 2014. С. 155–172.

²³ Проверка любой идеи жизнью, интроспективный опыт переживания идеи.

²⁴ Сознание в данном контексте является синонимом понятия разума. Проблема соотношения разума и сознания – серьёзная самостоятельная тема исследования. Здесь отметим лишь то, что Толстой часто использует эти понятия как синонимы, но зачастую проводит и строгую дифференциацию между ними: разум – это всемирный закон развития, сознание – проявление индивидуального закона, основанного на бесконечно малом миге свободы индивидуальной воли человека. «Каковы бы ни были общие законы, управляющие миром и человечеством, бесконечно малый момент свободы всегда неотъемлемо принадлежит мне <...> с точки зрения сознания жизни, мы чувствуем в самих себе силу, которая производит всё существующее» (15, 239, 244).

²⁵ Паперный В. М. Мифология воскресения в произведениях Льва Толстого. С. 163.

²⁶ Ирина Паперно отмечала, анализируя связь между верой и жизнью в поэмах Толстым синтетической формы, что он «в конце концов, поставил веру, нечто извлекаемое из жизненного опыта и позволяющее жить дальше. <...> Толстой не зашёл так далеко, чтобы создать неологизм “жизнь-вера”, но он близко подошёл к его фактической формулировке» // Paperno I. Leo Tolstoy's Correspondence with Nicolai Strakhov: the dialogue on faith // Anniversary Essays on Tolstoy / Ed. by Donna Tussing Orwin. Cambridge: Universaty Press, 2010. P. 115.